

**«ФРОНТИР КАК ЭВРИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ПОЗНАНИЯ»**
материалы круглого стола¹⁷

Якушенков Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор

Астраханский государственный университет
4104056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: shuilong@mail.ru

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор, директор

Астраханский государственный университет
4104056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: aromanova_mail@mail.ru

Баева Людмила Владимировна, доктор философских наук, профессор, декан

Астраханский государственный университет
4104056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: baevaludmila@mail.ru

Хлыщёва Елена Владиславовна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой

Астраханский государственный университет
4104056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: culture_mar@mail.ru

Морозова Елена Васильевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой

Кубанский государственный университет
350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
E-mail: morozova_e@inbox.ru

Якушенкова Оксана Сергеевна, кандидат исторических наук, редактор

ООО «ГлобалЛаб»
127018, Российская Федерация, г. Москва, Сущевский вал, 16
E-mail: ninawari@yandex.ru

Фронтир, как особая модель исторического развития самых различных стран, уже давно и подробно анализировался главным образом историками. Однако в последнее время эта проблема начинает волновать умы ученых и других направлений. Да и само понятие фронта вышло далеко за рамки всего лишь гуманитарных направлений. Все чаще этот термин используют физики, химики, медики и т.д. Но, несмотря на то, что фронтир изучают уже более века, феномен его далек от понимания. Ученые самых разнообразных областей знаний в рамках круглого стола, проведенного в АГУ в сентябре месяце, попытались поговорить о фронтире с различных точек зрения. Были высказаны порой взаимоисключающие позиции, что

¹⁷ Круглый стол прошел при поддержке Министерства образования и науки РФ госзадание № 2014/414 по теме «Человек фронта: вызовы и риски межкультурных коммуникаций в условиях приграничных территорий» Код проекта 392 2014–2016.

свидетельствует о том, что проблема фронта не исчерпала себя с научной точки зрения. Несмотря на различные подходы, практически все участники говорили о важности анализа этой проблемы и о продуктивности фронтальной теории, как особой эвристической модели, для понимания многих процессов развития человеческих обществ.

Ключевые слова: фронт, Россия, США, исторические и культурные процессы, эвристическая модель, теория науки, круглый стол

**«FRONTIER AS A HEURISTIC MODEL
OF HISTORICAL AND CULTURAL KNOWLEDGE»
ROUND TABLE**

Yakushenkov Sergey N., Ph.D. (History), Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: shuilong@mail.ru

Romanova Anna P., D.Sc. (Philosophy), Professor, Director

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: aromanova_mail@mail.ru

Baeva Lyudmila V., D.Sc. (Philosophy), Professor, Dean, Head of chair

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: baevaludmila@mail.ru

Khlyshcheva Yelena V., D.Sc. (Philosophy), Professor, Head of chair

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: culture_mar@mail.ru

Morozova Yelena V., D.Sc. (Philosophy), Professor, Head of chair

Kuban State University
149 Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040, Russian Federation
E-mail: morozova_e@inbox.ru

Yakushenkova Oksana S., Ph.D. (History), Editor

Ltd. "Global Lab"
16 Sushchevskiy val, Moscow, 127018, Russian Federation
E-mail: ninawari@yandex.ru

Frontier, as a special model of the historical development of various countries, for a long time has been analyzed in detail mainly by historians. Recently, however, this problem starts to agitate the minds of scientists of other fields of knowledge. And the very concept of the frontier has gone far beyond just the Humanities. Increasingly, it is a term used by physicists, chemists, doctors, etc. At the same time, despite the fact that frontier has been studied for more than a century, it's phenomenon is far from understanding. Scientists of various fields of humanitarian knowledge in the framework of the round table held at ASU in September, 2014, tried to talk about the frontier from different points

of view. There were divergent opinions, sometimes mutually exclusive, which suggests that the problem of the frontier is not exhausted from a scientific point of view. Despite the different approaches, almost all participants talked about the importance of the analysis of this problem and productivity frontier theory, as a special heuristic model for understanding many processes of development of human societies.

Keywords: frontier, Russia, US, historical and cultural processes, heuristic model, theory of science, round table

Якушенков С.С. Уважаемые читатели! Позвольте представить вашему вниманию круглый стол по проблемам фронта. Несмотря на то, что фронтальная теория появилась на свет более века назад, она не утратила своей актуальности во всех смыслах: и общетеоретическом, и практическом.

Данный круглый стол не претендует на исчерпывающие ответы по проблемам фронта. Это всего лишь попытка привлечь внимание исследователей к данной проблеме, и коллективно попытаться ответить на ряд вопросов, связанных с этим явлением. Возможно, рассуждения участников круглого стола поможет начинающим ученым определиться в выборе фронтальной тематики в качестве их дальнейших научных изысканий.

В обсуждении данной темы принимают участие следующие ученые: д.и.н., зав. каф. зарубежной истории и регионоведения АГУ С.Н. Якушенков, д.ф.н., директор Гуманитарного института АГУ А.П. Романова, д.ф.н., декан факультета социальных коммуникаций АГУ Л.В. Баева, д.ф.н., зав.каф. культурологии АГУ Е.В. Хлыщёва, д.ф.н., зав.каф. государственной политики и государственного управления КубГУ Е.В. Морозова, к.и.н., редактор гуманитарного направления ООО «ГлобалЛаб» (Москва) О.С. Якушенкова.

Во втором номере нашего журнала были помещены вопросы, которые, как полагают организаторы круглого стола, могли бы быть интересны для обсуждения, поэтому дискуссия пойдет в рамках обозначенных данными вопросами. Естественно, что мнение участников круглого стола будет представлено в несколько сокращенном варианте, учитывая ограниченность формата нашего журнала.

1. Насколько широко возможно использовать подход Ф. Дж. Тернера к изучению неамериканского исторического опыта, и прежде всего для анализа исторического прошлого России.

Л.В. Баева: *Прежде всего, заметим, что интерес к проблеме фронта может иметь как концептуальный, так и методологический характер. Концепция американского фронта, разработанная Дж. Тернером, может выступать как самостоятельный объект изучения, иметь ценность как согласованная система, описания совокупности процессов исторического, политического, демографического, экономического характера, сопутствующих освоению европейцами коренных территорий американских индейцев. С этой позиции дальнейшее развитие теории фронта возможно в плане большей детализации изучения указанных процессов, объяснения с ее помощью последующих историко-культурных и политических проблем развития общества, уточнения тех или иных понятий в ее контексте, развитие взаимосвязей с другими теориями, объясняющими этот исторический феномен.*

Если говорить о методологическом значении тернеровского подхода, то следует отметить, что он являет собой пример эффективной научной теории, применение которой вышло за начальные дисциплинарные рамки. И это касается не только широкого использования термина «фронт», «пограничье» в метафорическом значении в междисциплинарном дискурсе. Теория фронта получила развитие в контексте социально-философских, культурологических, антропологических, психологических исследований, где объекты изучения являют собой области с подвижными границами, как физическими, территориальными, так и ментальными, умозрачными.

С позиции методологии теория фронта открывает возможности изучения динамических подвижных социальных и ментальных систем, где исследуются процессы миграции, оккупации, заселения, захвата, вытеснения, подавления, подчинения одной системой другой. При этом обозначается область, в которой сосуществуют «две реальности», оба мира одновременно, оказывая воздействие друг на друга и стремясь к преобладанию. Эта «зона» полна особых культурных объектов и феноменов, она имеет свои признаки и характеристики, описанные в свое время Тернером и дополненные его последователями. Если этот пространственно-временной континуум оказывается относительно устойчивым в тех или иных хронологических рамках, то в его условиях могут прожить свои жизни не одно поколение людей, ментальность которых будет иметь свою специфику. Так называемый «фронтирный тип» личности характеризуется открытостью для новых решений, выбора, перемен мест, отличается высокой восприимчивостью нового, ментальной свободой, творческим, синкретическим видением реальности, нетерпимостью к ограничениям, жесткой регламентации и организации жизни. Фронтирная специфика личности складывается из особой «энергии пограничья» (Дж. Тернер), где человек надеется, главным образом, только на самого себя, отличается стремлением к свободе, к духовной независимости. Влияние различных контактирующих культур друг на друга, по выражению Тернера, подобно «вирусу» заражало каждую из сторон и проявлялось в заимствованиях языка, образа жизни, культуры повседневности. Это подход позволяет изучить роль личностей, способствующих проникновению культур, осуществлению взаимовлияния между ними.

А.П. Романова: Хотелось бы добавить, что Ф.Дж. Тернер считал американский фронт завершённым процессом для своей страны, но предполагал что как фронт можно описывать и определенные процессы в истории других стран. Он рассматривал возможность применения этой теории к территории Сибири, с чем были согласны далеко не все американские историки. (Lantzeff G.V., Pierce R.A.). Тем не менее, несмотря на все возражения, применение фронтирной теории к истории освоения Сибири началось как в США в середине XX в. (Treadgold D.W. Sumner B.H), так и несколько позднее в России в 90-е гг. (Агеев А.Д, Резун Д.Я, Замятина Н.Ю. и др.)

Дело в том, что теория фронта, возникнув как некая квинтэссенция анализа локальной американской истории, выявила целый ряд закономерностей и черт, имеющих в определенной степени универсальный характер для определенного типа культурных ландшафтов в различные исторические отрезки времени.

Однако, думается, сам Тернер все же не предполагал, что его концепция в определенном смысле будет рассматриваться как универсальная. Практически спустя столетие термин «фронт» оказался востребованным не только в американской истории, но и для анализа заселения других территорий, имеющих некие общие характеристики, которые обозначил еще Тернер, которые потом стали дополнять, в том числе и российские исследователи. (Басалаева И.П.) Фронтирная теория стала применяться к процессам, происходившим в различных уголках земного шара - в Индии (Pemberton R. B., Bayfield G. Th., Cotton S., Jeyaseela S.S.) Канаде (Furniss E), Афганистане (Schofield V.) Австралии (Furniss E), Африке (Есаулова О.М.), России (Khodarkovsky M., Joseph L.Weiczynski., Denis D.P. Show) В дальнейшем в России фронтирная методология исследования была применена к территории Дальнего Востока (Воробьева Т.В., Приходько Н.Н.), центральной Азии (Моисеев В.А.). Были попытки применить ее к исследованию центральной территории России (Жуков Д.С., Канищев В.В.). В последнее время в сферу интересов исследователей фронта вошли территории Юга России – Южного федерального и Северокавказского округов. (Баррет Томас М., Шейджен Э.А. Маркедонов С.М., Урушадзе А.Т.) Этим занимались и мы с С.Н. Якушенковым.

Е. В. Хлыщева: Следует помнить, что на сегодняшний день о фронтире говорят в разных значениях. Наиболее подходящим к современной действительности представляется вариант «зоны межкультурного взаимодействия вне четко установленных и признанных государственных границ». Т.е. фронтир – это своеобразная «контактная зона» различных этнических, религиозных, этносоциальных групп, взаимодействие которых складывало в различные исторические периоды свою неповторимую мозаику.

С.Н. Якушенков: Вопрос применения фонтирной теории к анализу истории других стран был и остается открытым. С одной стороны «классики» фонтирной теории рассматривали фронтир как исключительно американский исторический опыт, но с другой стороны допускали, что фронтир мог существовать и в других странах. Однако, на сегодняшний день так и не было построено единой теории феномена фронтира, не были проведены типологизации или классификации различных фонтирных моделей. Не спорю, что было много сделано в этом направлении, но, как говорили известные кинематографические персонажи: «истина где-то рядом». Следует ли древнеримский фронтир с его системой лимесов объединять в одну группу с американским фронтиром, или типологически это совершенно разные явления. Ряд ученых говорит об африканском фронтире, как совершенно новом явлении, кардинально отличном от американского опыта. Американская исследовательница Патрисия Нельсон Лимерик выделяет еще особую зону, назвав ее фронтера. Между фронтиром и фронтерой есть определенные аналогии, но они не равны друг другу. Фронтера в определении Лимерик – это действительно контактная зона, т.е. то, о чем говорит проф. Е.В. Хлыщева, но по ряду других факторов она ближе к римским лимесам, чем к американскому или сибирскому фронтирам, с их огромными мало населенными пространствами и т.д. Кроме этого, сложно сказать, был ли римский лимес с его оборонительными валами и крепостями зоной культурных контактов, или эти сооружения были призван подобные контакты свести к минимуму.

Е.В. Морозова: Как мне кажется, всплеск интереса отечественных ученых к фонтирному дискурсу в определённой степени связан с преодолением методологического кризиса. Именно поэтому к фонтирной проблематике начинают обращаться и ученые неисторических специальностей. С социально-философской точки зрения значение российского фронтира осмыслено в работах И.П. Басалаевой. По мнению автора, фронтир – это не территориальный, а ландшафтный феномен; это процесс и результат социального конструирования реальности.

Такое понимание даёт возможность использовать теорию фронтира не только в классическом ключе – применительно к освоению географического пространства, «тверди», но и применительно к различным типам социальных пространств. Синтез теории фронтира с другими концептуальными подходами обладает значительным эвристическим потенциалом. Примеры такого синтеза можно найти в разных отраслях социально-гуманитарного знания. И.В. Побережников, к примеру, обосновывает феномен фонтирной модернизации в России, используя комплекс теории фронтира и теории модернизации.

Большой интерес представляет классификация фронтиров, предпринятая Р.Биллингтоном в работе «Экспансия на Запад. История американского фронтира». В основу классификации было положено не только географическое расположение фонтирной линии, но и хозяйственная доминанта. В результате были выделены такие формы фронтира как трапперский, торговый, шахтерский (старательский), скотоводческий, фермерский (земледельческий) и т.д. Д. Элейзер пишет об аграрном, индустриальном и технологическом фронтирах, он связывал формирование региональных политических культур в Америке именно с фронтиром и его особенностями. Возможность продолжить эту традицию и рассмотреть фонтирный комплекс в контексте различных технологических укладов представляется нам идеей, которая может стать определенной «точкой роста» в исследовании сетевого

общества. Примерами подобных пионерских работ может быть статья Джона Хикмана, который рассматривает космическое пространство как новый фронтир человечества.

О.С. Якушенкова: Не следует забывать, что под фронтиром мы подразумеваем совершенно различные стадийные феномены. Фронтир никогда не был законченным во всех своих характерных чертах явлением. Он постоянно видоизменялся, трансформировался, принимал новые формы. Именно поэтому в своих работах мы попытались вычленить разные стадии фронта: предфронтир, фронтир и постфронтир. Но это не означает, что не существует и других стадий, для которых характерны особые формы культурного диалога. Поэтому сравнение разных фронтиров (географически или точнее регионально) не всегда продуктивный метод. Различия могут скрываться не в разных типах фронтиров, а лишь в разных стадиях. Вероятно, важно, и в каких методологических и предметных рамках проводится это сравнение.

Л. В. Баева: Хотелось бы добавить, что фронтир и фронтирные процессы не стоит сводить лишь к аналогам американского фронта XIX в.. Если применять теорию фронта к анализу современных миграционных и глобализационных процессов, то здесь также открываются значительные возможности, позволяющие описывать изменения, происходящие в культуре титульного населения и культуре мигрантов. Разграничение на бедный и динамичный в демографическом отношении юг и богатый и стареющий север начинает стираться с процессом активной миграции африканского и азиатского населения в Европу и Северную Америку. Весь мир превращается в своеобразный фронтир, где европейское население уже не чувствует себя доминирующим в мировой культуре и собственном доме, где права мигрантов достигают максимума и вызывают противодействие в виде пробуждающегося неонацизма. Меняются границы ментальных миров: прежде всего, между христианским и исламским мирами. На фоне ослабления влияния христианства наблюдается значительный рост влияния ислама, его развитие и проникновение в страны, где о нем знали лишь теоретически. Христианизация мира, миссионерская деятельность европейцев, распространявших на Запад и восток не только «слово Божие», но и стандарты европейского образования, демократические принципы, свободы личности сегодня уступила эстафету процессу исламизации, идущему из Азии во все иные континенты. Этому процессу также сопутствует перенос ценностей, прежде всего, ценностей традиционного мира, воспринимаемых в качестве противопоставления либеральным ценностям (в том числе в сфере этической, гендерной). Исламский мир расширяется, и возникает значительная территория, где сосуществуют несколько мировых конфессий, имеющих свою активную позицию.

В России эти процессы в меньшей степени характеризуются противопоставлением позиций, поскольку и ислам и православие придерживаются близких подходов в своем критическом отношении к либеральным свободам западного мира. Однако по мере продвижения мощных миграционных потоков из Азии и Северного Кавказа в южные и центральные регионы страны процесс расширения границ ислама также имеет место и определенные последствия.

Если в процессе миграции речь идет исключительно об экономическом факторе, то выявляется прагматический характер активности мигрантов в новой среде: как правило, они стремятся к растворению в этих условиях (с более высокими уровнями жизни) и нахождению своего места в ней. Если же речь идет о религиозном факторе, сопутствующем миграционному процессу, то характер активности может быть иной: мигранты стремятся к консолидации между собой, дистанцированию от местного населения, противопоставлению своих и чуждых ценностей. Религиозный фронтир – сегодня особая область для изучения. Это территории пересечения мировых религий и их областей влияния, вставшие перед необходимостью политики терпимости ради сохранения мира и жизни, но имеющие потенциал огнива в услови-

ях глобальных изменений и кризисных тенденций. И в этом ключе роль теории фронта для понимания проблем современного подвижного, динамичного мира чрезвычайно высока и ее развитие в этих условиях обретает не только актуальность, но и практическую значимость.

2. Возможны ли аналогии во фронтальной истории США и России. В чем различие и в чем сходство наших путей развития, особенно применительно к фронтальной теории.

Е.В. Хлышева: У. П. Уэбб в работе «Великий фронт», вышедшей в 1951 г., говорит о фронте как явлении не только американском, но и европейском, т.к. взаимодействие европейской цивилизации с неосвоенными землями, куда она двигалась, было еще значительнее в истории самой Европы. Сложнее обстоит с вопросом российского фронта, хотя ряд авторов высказывается за существование фронтальных зон не только внутри страны, но и рассматривает Россию как «Великий Фронт» между Европой и Азией.

А.П. Романова: На мой взгляд, аналогии возможны и более того, они уже неоднократно проводились, как для Сибири, так и для Юга России. Есть, как я уже говорила выше, ряд универсальных черт, сформулированных еще Тернером: окраинность заселения; противостояние дикости и цивилизации; сопротивление властям, свобода, демократизм, либерализм; полиэтничность и поликонфессиональность, религиозная свобода; индивидуализм, отрицание старого, новое поле возможностей, плотность населения и т.д., которые могут рассматриваться как критерии для сравнительного анализа. Недавно я закончила статью по раннему этапу фронта на Кавказе, где как раз провожу сравнительный анализ по этим критериям и выявляю действительно очень много общих черт, характерных для раннего фронта. Однако применительно к Кавказу анализ фронтальных процессов сложнее и многограннее, во-первых, в силу большего полиэтничного разнообразия межкультурных коммуникаций южнороссийского фронта, во-вторых, в силу отсутствия на этом этапе очевидного цивилизационного доминирования с какой-либо стороны фронта, как это было в США. Сложность анализа раннего этапа фронта в России, по крайней мере, по отношению к Кавказу, возникает еще и потому, что в США существует богатое культурное наследие этого периода в виде нарративных источников, чего практически нет в отечественной культуре. Приходится опираться в основном на более поздние описания.

О.С. Якушенкова: Как мне кажется, одно из существенных различий в расположении фронтальных территорий и характере продвижения фронта. Для Америки фронтальные земли стали своеобразным центром страны (политическим, экономическим), сам процесс освоения фронта заложил формирование новой американской ментальности. В случае с Россией фронтальные территории так и остались периферией, и не могли сыграть такую же культурную роль, как это произошло в случае с США.

С.Н. Якушенков: Чтобы ответить на этот вопрос следует вновь обратиться к первому вопросу о возможности использования американского опыта для понимания путей исторического развития других регионов. Даже при однозначном признании наличия фронтов в истории России, следует понимать, что и в США, и в России фронтальные пути развития были самыми различными. Одно дело, например, северо-западные территории США, и совершенно другое – Юго-Запад, находящийся как бы зажатым между двумя метрополиями. Северный Кавказ России уместно сравнивать с Юго-Западом США, в то время как фронтальные процессы в Сибири гораздо ближе к таковым на Среднем Западе и Северо-Западе. Однако и там найдется ряд своих особенностей в каждом случае, что в конечном итоге укажет на уникальность подобных процессов в каждом из этих стран.

Что касается стадийности фронта, наличия его различных стадий, о чем ранее говорила Оксана Сергеевна, то здесь мы обнаруживаем большие различия и отсутствие каких-либо точек для аналогий. Это не значит, что не надо делать попыток проведения подобных аналогий. Не следует забывать, что фронт, даже если мы его и определяем через зону коммуникации, – это, прежде всего, кризисное явление в истории человечества. Поэтому ученых, проводящих подобные сравнения, должны, по моему мнению, интересоваться методами и методиками выхода из этих кризисных ситуаций.

3. Являются ли колониальные империи разновидностью фронтальных территорий или это особые случаи, не попадающие под определение фронта.

А.П. Романова: Вопрос непростой и достаточно дискуссионный. Исследования по колонизации ведутся параллельно фронтальным. Тем не менее, фронтальные исследования применительно к империям ведутся не только в России и по отношению к России, но и к истории других империй. Империя в целом вряд ли может рассматриваться как фронт, однако имперская территория может (или должна?) иметь фронтальные зоны, такие, как например, Сибирь и Юг России.

Е.В. Хлышева: По моему мнению, современная теория фронта выступает альтернативой теории «колонизации». Вряд ли сейчас актуальны понятия «колония» и «метрополия» в первоначальном смысле. В отличие от колонизации фронт нацелен на создание нового сообщества, состоящего из людей с особым менталитетом, чего никак не скажешь про колонии XIX в. Ни Индия, ни Сиам, ни африканские колонии в этом смысле фронтом не являлись. Не сложились там «тесные и дружественные» отношения с представителями метрополий. Хотя, конечно, взаимодействия были, а вот особой со-общности не получилось.

О.С. Якушеникова: Думаю, это особый случай в силу того, что колониальные империи (та их часть, где шли процессы столкновения культур) территориально сильно оторвана от своего центра, и культура совершающая экспансию в этом случае будет достаточно не многочисленна. Можно сказать, что для колониальных империй свойственно застывание на этапе раннего или предфронта без трансформации его в следующую стадию.

С.Н. Якушеников: Коллеги, хотелось бы заметить, что сама постановка вопроса не дает возможности однозначного ответа. Ведь вопрос сформулирован таким образом, что как бы предполагает, что в качестве фронта мы должны рассматривать и территории непосредственно метрополий. Если многие участники круглого стола настаивали на том, что фронт – это, прежде всего, контактная зона, то здесь невольно мы вынуждены будем прийти к заключению, что с точки зрения постколониальной теории, для колониальных народов и зона метрополий была своеобразным фронтом, то, что такой видный теоретик постколониализма как Р. Янг, назвал гибридность. Любой представитель колониальных народов, оказавшийся на территории метрополии, в некоторой степени попадал в новую для него культурную среду, со многими фронтальными характеристиками. Лондон – столица огромной колониальной державы – чем не пример своеобразного фронта для таких выходцев из колоний как М. Ганди, получивший там образование. Единственное, что не дает возможность оценить эту территорию как фронт – это численность населения этой территории, и здесь мы вновь вынуждены обращаться к характеристикам фронта, данным еще Тернером. Москва все больше напоминает фронтальный город, в котором трудится огромная масса самых разнообразных мигрантов из постсоветского пространства. Большинство из них оказываются на позициях прекариатов, формируя в новых для них условиях своеобразную аналоговую фронтальную культуру, построенную на принципах трансгрессии и гибридности.

Если же нам предстоит ответить на вопрос об аналогиях между колониями и фронтом, здесь ответ также может быть разным. Например, Александр Эткин определяет многие фронтальные территории России через понятие «внутренней колонизации». Может быть, именно поэтому российская периферия так и не

стала фронтиром в американском смысле, т.е. территорией, где вызревали новые институты демократического общества. Но истории известны и другие типы фронтиров, где происходило консервация традиций. Такие процессы, проходили в некоторых регионах Африки, названных «внутренним фронтиром».

Вместе с тем, огромные территории Индии, вошедшие в Великобританию, конечно, были фронтиром. Именно таковыми их видят многие английские, да и индийские ученые. Значительная территория Австралии, которая тоже была частью Британской империи, также представляла собой фронтир.

4. Является ли фронтир одновекторным явлением, или для него характерны множество встречных векторов развития. Другими словами, фронтир – это лишь явление, характерное для активных акторов процесса экспансии, или это еще и такое же явление и по отношению вторых акторов, на территорию которых осуществляется данная экспансия. Этот второй фронтир аналогичен первому или для него характерны совершенно иные процессы.

А.П. Романова: Я думаю, что у фронта как минимум два актора. А в некоторых случаях, как на Кавказе, их гораздо больше. Если даже рассматривать как единый актор все кавказские народы, что тоже весьма условно, то все равно существовало несколько активных акторов: Россия, Порта, Персия. Да и «пассивные» акторы оказывали процессу весьма активное сопротивление. И это, по сути, разнонаправленные векторы фронта. Часть процессов, обусловленная межкультурными коммуникациями, захватывает всех акторов. Параллельно с этим, особенно на ранних стадиях фронта, идут активные трансгрессивные процессы.

С.Н. Якушенков: Хотя изначально фронтир и представлялся одновекторным явлением в рамках старых научных и культурных парадигм дикость/цивилизация, ученые новой генерации уже давно, как правило, отказались от подобного рассмотрения этого вопроса. С появлением постколониальной теории как то уже не принято рассматривать фронтир лишь с точки зрения «белого человека». То есть, признавая за вторыми (или третьими) «актерами» их право на свой фронтир, мы тем самым легко выходим за рамки привычных параметров фронта и фронтирной теории. И тогда Лондон или Париж легко превращаются во фронтирные города, где эти самые новые акторы, еще недавно являвшиеся объектами колониальной политики, вдруг оказываются в совершенно новых условиях: культурных, политических, экономических и т.д.. Для них все эти метрополии оказываются своеобразным фронтиром, который следует покорить, и где существуют законы, отличные от законов их родины. В новых условиях они оказываются в некотором состоянии дистопии, с массой ресурсных возможностей и отсутствием понятных им правовых норм.

Отсюда помимо собственно постколониальной парадигмы, данная проблема может иметь и другое толкование, или точнее сценарий развития – фронтир из одновекторного и однолинейного процесса может легко превратиться в свою противоположность, т.е. в такое явление, в котором многие культурные процессы как бы обращены вспять. Уже сейчас многие территории Юго-Запада США изменили свой культурный ландшафт с англоязычного на испаноязычный. Под наплывом мигрантов из Мексики и других стран Латинской Америки во многих городах испанская речь стала неотъемлемой частью городской жизни. То есть в этих районах мы можем наблюдать своеобразный рефронтир, т.е. процесс обратного фронта. Со схожими процессами мы встречаемся и на Северном Кавказе.

Е.В. Хлышева: А вообще главными критериями фронта являются неопределенность и неустойчивость. Сегодня это объясняется миграционными процессами, от которых никакой стеной не отгородиться. Именно пограничье характеризуется более высокой мобильностью по сравнению с глубинной территорией, перемещением больших групп людей, новыми формами культурных и социальных контактов. Поэтому фронтир – это условная граница, которая все время находится в движении. Есть у народов общие точки соприкосновения – найдется «общий язык», нет таких точек – фронтир превращается в зону противостояния и длится это может веками.

5. Переносится ли модальность фронта на метрополию, или они существуют как два равноценных процесса. Каково влияние фронта на идеологию общества мейнстрима и как это отразилось на российской истории.

А.П. Романова: *Безусловно модальность фронта оказывает влияние на метрополию. Этот процесс весьма сложен и скорее всего, протекает по-разному там, где фронтальные зоны удалены от метрополии (империи европейского типа), или являются ее окраинами (Россия). Это требует самостоятельных исследований в каждом отдельном случае. Однако во всех случаях появляется слой людей метрополии, вовлеченных во фронтальные трансгрессивные процессы, долгое время проведенных на этих территориях и приобретших новую ментальность (колонизаторы – кавказцы в России и т.д.). В России этот слой людей, представлявших собой военную, а часто и художественную элиту (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой и др.), оказался плененным Кавказом, его «свободами», и в литературных и мемуарных произведениях манифестировал свою новую ментальность.*

С.Н. Якушников: *Ну, собственно, еще Тернеровский подход предполагал однозначный ответ на этот вопрос. Именно это влияние фронта на метрополию и было исключительно положительным моментом в этом явлении. Фронт, с точки зрения Тернера, породил новые социальные, культурные и политические институты, которые постепенно оказывали влияние и на все общество.*

Изучению влияния фронтальной мифологии на американское общество посвятили свои труды и такие именитые американские ученые как Г.Н. Смит и Р. Слоткин. Им удалось убедительно показать, что фронтальная символика и мифология оказывала и продолжает оказывать огромное влияние на американский культурный ландшафт.

Что касается российской истории, то и здесь влияние фронтальной модальности столь же велико. Мы все еще продолжаем развиваться в тех же самых парадигмах, относящихся к активной стадии фронта. Многие события последних лет убедительно демонстрируют фронтальную парадигму во взаимоотношениях Центра и периферии, Москвы и бывших союзных республик. Да и последние события в Украине – ничто другое как именно фронтальная политическая доктрина.

Е.В. Хлышева: *Но, как мне кажется, это влияние минимально. Как, например, Астраханский регион повлиял на культурное развитие России? В целом – никак. Даже сегодня многие москвичи не представляют, где находится Астраханский регион. Если вести речь о брендовых товарах, то вряд ли это можно назвать влиянием.*

6. Как велико обратное влияние культур аборигенного общества на культуру народа, осуществляющего фронтальную экспансию.

А.П. Романова: *Вопрос достаточно сложный и однозначного ответа для всех ситуаций фронта, скорее всего, не имеет. Необходимо учитывать цивилизационные, культурные и временные факторы. На ранних стадиях фронта аборигенное общество оказывает весьма сильное влияние на колонистов, происходит мощная культурная трансгрессия, помогающая во многих случаях колонистам выжить. Далее в каждом фронтальном сценарии это может происходить по-своему. В Американской культуре это вылилось в определенной степени в стадию постфронта, когда «кроважидные индейцы» были реабилитированы и на волне интереса к индейской культуре возникают различные течения Нью Эйдж. На Кавказе этот процесс происходил несколько иначе. В XIX в. в среде русских офицеров – кавказцев не только вестиментарная горская культура стала обязательным атрибутом, но и их поведенческие особенности: свободолюбие, беспощадность к врагам, двойные стандарты и т.д. В XX в. аборигенное население принудительно русифицировалось, а в начале XXI в., в ряде республик (Чечня, Дагестан) происходит «возвращение к истокам».*

О.С. Якушенкова: Несомненно, такое влияние огромно, особенно на этапе раннего фронта и пост-фронта, о чем говорила уже Анна Петровна, и что я попыталась показать в своей монографии на примере судьбы некоторых индейских женщин. На этапе раннего фронта это влияние может преобладать или быть по силе равным влиянию культуры осуществляющей экспансию, так как без принятия различных элементов аборигенной культуры выжить затруднительно. На этапе пост-фронта культура осуществившая экспансию снова обращает внимание на «ассимилированную» аборигенную культуру, происходит переосмысление ценностей. Это происходит и за счет того что аборигенная «культура» выходит на новый уровень и может говорить на равных и обратить на себя внимание.

Е.В. Хлышева: Достаточно велико. Если в результате столкновения культурных векторов обнаруживается комплиментарность, то происходит культурный синтез и можно говорить о становлении культурного ландшафта, где формируется особое сообщество со специфичным, граничным типом культурогенеза. Единая территория, пересечение в хозяйственной деятельности способствуют появлению общих ценностей, что, как правило, ведет к сплочению народов, населяющих регион.

С.Н. Якушенков: Как уже я говорил ранее, Россия, будучи страной многонациональной, изначально формировалась во многом в рамках различных фронтальных тенденций. Поэтому российский культурный ландшафт – это, по сути, ландшафт гетерогенный, постоянно находящийся в динамике. Формирование его идет в рамках центростремительных и центробежных культурных процессов. Русская культура испытывает сильнейшее влияние других российских региональных культур, но и они находятся под влиянием русской культуры. Анна Петровна уже говорила о влиянии вестиментарной культуры местных народов на определенные группы населения в России в XIX в. К этому хотелось бы добавить и влияние алиментарной культуры, как в прошлом, так и в настоящем. Мы, жители Нижней Волги, очень хорошо это замечаем и осознаем. Правда, мы, как мне кажется, так и не вошли в стадию постфронта. В нашем случае фронтальные процессы затянулись, они постоянно принимают все новые формы, а фронт (в широком) смысле постоянно перемещается не только в рамках культурного пространства, но и физического. Конечно это связано прежде всего с изменениями возникшими на постсоветском пространстве. Но не следует исключать и множество международных факторов.

С.Н. Якушенков: Коллеги! Разрешите подвести черту под нашей дискуссией. Как показал данный круглый стол, фронтальная тема оказалась весьма актуальной, и большинство из участников высказало мысль, что в широком смысле фронт, как некоторое явление, выходит за рамки собственно фронтальных аналогий в Америке или России. Самые разнообразные ученые высказывали мысль, что фронт – более широкое понятие, а фронт, как эвристическая модель познания может помочь понять самые разнообразные культурные, экономические и политические процессы. И вместе с тем, дискуссия продемонстрировала, что как таковой, фронтальной теории не существует, как не существует и универсального понимания фронтальных процессов. При всей важности фронтальных моделей развития для многих стран фронт так и остался за гранью понимания. Ведь недаром его называют подвижной границей, возможно именно это постоянное движение и не позволяет воспринять его как нечто застывшее, неизменное и т.д. Но, вероятно, именно эти качества и делают эту проблему особенно интересной и актуальной для изучения самыми разнообразными специалистами.

Мы надеемся в дальнейшем продолжить обмен мнениями по данному вопросу и попытаемся привлечь к участию в нашем круглом столе самых разнообразных специалистов.

К сожалению, мы не смогли представить высказывания всех участников в полном объеме, поэтому все материалы были представлены с некоторыми купюрами, за что просим прощения у участников и читателей. Надеемся, что сокращения не повлияли на качество изложенного материала, и касались только количественной стороны.

Материалы круглого стола были подготовлены С.Н. Якушенковым.